

«СЛОВАРЬ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВО- РОВ» КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ОБЩЕСЛАВЯНСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ

Шаповалова Л.И.

*(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова,
Беларусь, г. Могилев)*

«Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) – итог многолетней работы авторского коллектива ученых Могилевского государственного университета им. А.А.Кулешова, который возглавляет В.Б.Сузанович. Составление Словаря ведется с 1992 г., а подготовка и систематизация картотеки Словаря началась еще в 1986 году. Основным источником СМСПГ послужили диалектные материалы, собранные преподавателями и студентами филологического факультета – участниками диалектологических экспедиций 1982-2001 гг. в пограничных районах Могилевской и Смоленской областей. Уже на этом подготовительном этапе, на стадии организации сбора материала, перед составителями Словаря встала проблема определения территории могилевско-смоленского пограничья (МСП) и соответствующего ей лингвистического ареала, характерная особенность которого – в пересечении, контактировании близкородственных языков, белорусского и русского. Граница такого лингвистического ареала не может быть определена абсолютно точно. Поэтому территория МСП определяется условно: сюда включаются населенные пункты, расположенные в 20-километровой зоне по обе стороны от государственной границы, т.е. приграничные части Горьковского, Мстиславского, Кричевского, Климовичского, Хотимского районов Могилевской обл. и Краснинского, Монастырщинского, Хиславичского, Шумячского, Ершичского районов Смоленской обл. Общая площадь обозначенного нами региона – около 10 тыс. км. кв. В настоящее время участники диалектологических экспедиций обследовали 180 населенных пунктов на территории Могилевской и Смоленской областей.

СМСПГ – первый опыт регионального словаря переходных белорусско-русских говоров. За последние два-три десятилетия создано большое количество белорусских и русских диалектных словарей, но пока отсутствуют словари пограничных белорусско-русских говоров, несмотря на то, что эти говоры занимают значительную территорию: общая протяженность белорусско-русской границы составляет более 1000 км, причем значительная часть ее – около 250 км – проходит по территории Могилевской и Смоленской областей. Именно поэтому создание СМСПГ представляется важной и актуальной задачей. А в наше время активной интеграции белорусского и русского народов работа над созданием словаря такого типа является не только актуальной, но и своевременной, ибо она отражает широкие культурно-исторические связи между Беларусью и Россией.

Могилевская и Смоленская земли в своем историческом прошлом пережили

¹ Чубур А.А. Первоначальное заселение человеком Среднерусской возвышенности: к постановке проблемы // Успехи современного естествознания, 2007. №7. С.7-10.

много общего. До XIV эти земли входили в состав русских княжеств. После захвата Юго-Западной Руси литовскими феодалами Могилевщина стала владением сначала литовских князей, а с 1136 года – польских королей. В составе польско-литовского государства она осталась до первого раздела Речи Посполитой в 1772 году, а потом снова вошла в состав России. Смоленское княжество находилось во владении Великого кн. Литовского с 1404 по 1514 год, затем было присоединено к Московскому государству, но после Смоленской обороны 1609-1611 годов было захвачено Польшей и окончательно возвращено России в 1667 году по Андрусовскому перемирию.

История Могилевской и Смоленской земель отражается и в исторической судьбе Мстиславля, районного центра Могилевской области. Он упоминается в летописях с первой половины XII в. как город Смоленского княжества; с 1180 года началось становление Мстиславского княжества во главе с Мстиславом, сыном смоленского князя Романа Юрьевича. С XIII в. оно оказалось на порубежье Смоленской земли и Великого кн. Литовского, переходило из рук в руки, пока совсем не отошло к последнему, а потом на столетия – к Польше; после подписания Андрусовского мира Мстиславль остался за Речью Посполитой. И только в 1772 году город стал центром Мстиславского повета Могилевской губернии. И впоследствии границы Могилевской и Смоленской губерний не раз перемещались, и населенные пункты оказывались то на белорусской, то на смоленской пограничной территории. Свидетельство тому находим и в «Белорусах» Е.Ф.Карского, где он приводит пример фонетического явления, отмеченного им в д.Любавичи Оршанского уезда, которая по современному административному делению относится к Монастырщинскому району Смоленской области и входит в обследуемый нами лингвистический ареал. И в советское время граница между Могилевской и Смоленской областями не была постоянной и окончательно установилась лишь в начале шестидесятых годов. Именно вследствие этих геополитических сдвигов, а также многовековых тесных социально-экономических и культурных связей и языковых контактов русских и белорусов определился могилевско-смоленский лингвистический ареал – переходными белорусско-русскими говорами.

Подготовка СМСПГ имеет важное общеславянское значение. В настоящее время неплохо описаны переходные и смешанные славянские зоны – ляхско-польская, чешско-моравская, польско-белорусская, зона украинско-белорусского Полесья и др. На этом фоне белорусско-русский пограничный регион остается «белым пятном». СМСПГ в определенной степени может восполнить этот пробел в картине славянских переходных говоров и создать прецедент для описания других белорусско-русских пограничных зон – витебско-псковской, гомельско-брянской. Кроме того, СМСПГ может стать лексикографическим источником этнолингвистических и историко-культурных сведений, имеющих общеславянское значение. Диалектные материалы, собранные за годы регулярного обследования МСП, составили картотеку Словаря, которая насчитывает более 100 тыс. карточек-иллюстраций и, следовательно, с достаточной полнотой представляет лексический фонд говоров МСП. Работа по изучению этого лексического фонда велась как составителями словаря, так и студентами филологического факультета университета. Они выявляли и на разном уровне научной компетентности описывали пласты лексики, различной по происхождению и времени возникновения, а также лексико-тематические группы слов, отражающих материальную и духовную культуру носителей данных говоров.

Специалисты признают, что переходные говоры, занимающие маргинальную

зону на стыке белорусского и русского языков, находятся в исторически обусловленном фронтальном и афронтальном межъязыковом и междиалектном контактировании. Поэтому основным источником формирования лексического фонда таких говоров являются близкородственные языки, белорусский и русский, и их диалекты. Систематизация картотеки и лексикографическая обработка диалектных материалов в процессе подготовки СМСПГ подтверждают этот факт, поскольку в данных материалах в равной степени представлены диалектные слова, соотносительные с общеупотребительными белорусскими и русскими словами., ср.: *бажма, багма* (диал.) – *багна* (бел.) “трясина”, *беспогодица* (диал.) – *непогодзь* (рус.) “ненастная погода” и пр.

Анализ словарных материалов на основе двойного противопоставления диалектизмов – русскому литературному, с одной стороны, и белорусскому литературному – с другой, позволил выявить типологию диалектной лексики говоров МСП: 1) собственно диалектная лексика — слова, отсутствующие в составе лексики обоих литературных языков — русского и белорусского: *зе’длик* “небольшая скамейка”, *ко’тux* “большая корзина”, *круса’дня* “насет для кур”, *кура’на* “лягушка, жаба”, *моша’к* “мухомор”, *му’мки* “гнилой картофель” и т.п.; 2) диалектные производные от корней, представленных в русском или белорусском литературном языке: *аржа’ник* “ржаная лепешка”, *жсартова’тсья* “гулять, веселиться”, *жсу’рно* “скучно, тоскливо”, *мочли’вый* “дождливый”, *шыляхто’вка* “большая проселочная дорога, большак” и т.п.; 3) слова, отличающиеся от соответствующих русских или белорусских литературных слов морфемным составом: *ба’нник* “предбанник”, *мази’ло* “мазь”, *мере’жса* “мережка”, *мот’моток*, *о’пух* “опухоль” (ср. бел. *пухлі’на*), и т.п.; аффиксами: *бегва* “беготня” (ср. бел. *безаніна*), *зави’досьць* “зависть”, *мастеру’ха* “мастерица”, *молоти’лица* “молотилка”, *обмы’лка* “ошибка” (ср. бел. *памы’лка*) и т.п.; слова с более сложными словообразовательными различиями: *односо’бно* “обособленно”, *осерёдок* “середина”, *ру’чно* “вручную” и т.п.; 4) слова, совпадающие по звуковому облику с русскими и белорусскими литературными словами, но отличающиеся от последних по значению: *забор* “складки в одежде”, *кресло* “ромбовидная вставка в брюках”, *монисты* “ордена, медали”, *могут’неть* “выздоровливать, оправляться от болезни”, *скула* “нарыв, опухоль” и т.п.; 5) слова, отличающиеся от соответствующих русских и белорусских литературных слов качеством или составом фонем: *’або’сый, биклажа’н, дирёв’ый, пульга, гутаре’ли* “качели” (ср. бел. *арэ’лі*), *ря’ма* и т.п.; 6) слова, отличающиеся от соответствующих русских и белорусских литературных слов грамматической характеристикой: *бедр’а*, ж. “бедро”, *бе’за*, ж. “сирень” (ср. бел. бэз, м.), *паса’га*, ж. “приданое невесты” (ср. бел. *пасаг, м.*), *сви’рна* и *сви’рня*, ж. “сарай для хранения зерна” (ср. бел. *сві’ран, м.*) и т.п. 7) слова, отличающиеся от соответствующих русских и белорусских литературных слов объёмом семантического наполнения; диалектное слово может обладать более широким значением, чем слова литературные: так, белорусское существительное *лёк* “селёдонный рассол” в говорах МСП употребляется в значении “рассол” вообще, а не только “селёдонный”; русский глагол *балагу’рить* “говорить весело, забавно, остроумно” в говорах МСП имеет более широкое значение – вообще “разговаривать, беседовать”. С другой стороны, диалектное слово может иметь более узкое значение, чем слова литературные, например, слово *бары’ш* в русском литературном языке употребляется в значении “прибыль, получаемая при различных торговых сделках или перепродаже”, а в говорах МСП слово *бары’ш* имеет более конкретное значение – “выкуп за невесту”

Говоры, в силу их известного консерватизма, сохраняют слова, унаследован-

ные от предшествующих периодов развития общенародного языка. И в лексике говоров МСП выявлено значительное количество слов обще- и восточнославянского происхождения, унаследованных из древнерусского языка-источника. К числу таких мы относим диалектные слова, древнерусское происхождение которых находит подтверждение в авторитетных этимологических источниках – словарях и монографиях, напр.: *ендо* 'ви "большой глиняный сосуд для вина" (ср. МАС: *ендова* ', 1. Старинная русская посуда для вина в виде большой широкой чаши с носком или рыльцем. Т.1, с.466); *епанча* ' "широкий и длинный плащ без рукавов" (ср. МАС: *епанча* ', старинная верхняя одежда в виде широкого плаща. Т.1, с.466). В древнерусском пласте диалектной лексики выявлены слова, не претерпевшие существенных изменений за время их бытования в говорах (*мост* "пол в сенях, избе; настил"; *прать* "стирать бельё" и др.), и слова, претерпевшие трансформацию: формальную – фонетическую (напр.: *иструб* > *изърубь* "сруб (избы, колодца)" и деривационную (приведшую к появлению синонимических образований типа *заметь* – *заметуша* "метель"); семантическую – с расширением или сужением объёма лексического значения моносемичных древнерусских слов, с различными преобразованиями семантической структуры полисемичных древнерусских лексем. Мы считаем возможным признать древнерусский язык вторым по значимости внутренним источником формирования лексического фонда говоров МСП.

В Словаре широко представлена этнографическая лексика, отражающая различные стороны материальной и духовной культуры жителей моголивецко-смоленского пограничного региона: *беля* 'к, *портя* 'к, *синя* 'к и др. – названия домотканых юбок, различающихся назначением, фасоном, расцветкой и т.п.; *ла* 'дка, *прыщ*, *ре* 'зник, *тошно* 'тик и др. – названия лепёшек; *поршни* ', *ра* 'ки, *ходоки* ', *каверзни* ' и др. – названия лаптей; *ба* 'нник "злой дух, живущий в бане", *люби* 'ста "заговор на любовь", *отхо* 'дчик "знахарь, снимающий порчу, сглаз"; *роди* 'мец "чёрт, дьявол, нечистая сила", *чаровни* 'к "злой колдун, наводящий порчу на людей и скотину" и др. – мифологическая лексика; *доми* 'на, *клади* 'ще, *уста* 'вцик, *хоту* 'ры и др. – похоронно-обрядовая лексика. В СМСПГ представлена также лексика профессиональная и специальная, относящаяся к народным промыслам, ремёслам, ведению сельского хозяйства и т.п.: *бёрдо*, *кро* 'сно, *наби* 'лки, *наво* 'й, *ниты* ', *по* 'нож, *сучи* 'ть и др. – ткацкая лексика; *ба* 'бка, *грязи* 'ль, *косьё*, *пали* 'ца, *рассо* 'ха и др. – сельскохозяйственная лексика; *близня* 'та и *спари* 'шки (два горшка, соединённые общей ручкой), *горшколён* ", *ми* 'са и др. – гончарная лексика и т.п.

В словарном составе говоров МСП представлен обширный пласт полонизмов. Как сказано выше, белорусские и смоленские земли были исторически связаны с Великим кн. Литовским и Речью Посполитой; после раздела последней на этих землях остались локальные и «рассеянные» поселения поляков: после 1654 г. многие из них навсегда остались в Смоленске и уездах, а на Могилевщине самое густое расселение шляхты отмечалось по Сожскому водоему, в районе городов Мстиславль – Кричев – Чериков, о чем свидетельствуют, в частности, топонимы типа *Лютня*, *Езеры* (Мстиславский и Чериковский р-н Мог. обл.), *Изофровка* (Хиславичский р-н Смол. обл.). Непосредственное общение белорусского и русского населения с польским привело к появлению полонизмов в лексике МСП. Польские заимствования, употребляющиеся в говорах МСП, распределяются по четырём группам: 1) слова, входящие в активный словарный фонд белорусского и русского литературных языков: *безмен*, *будка*, *галстук*, *кофта*, *кубок*, и др.; 2) слова, являющиеся принадлежностью белорусского лите-

ратурного языка и отсутствующие в русском: *брама* – ворота; *вага* – вес; *крама* – магазин, автолавка; *кашуля* – рубашка и др.; 3) слова, являющиеся принадлежностью русского литературного языка и отсутствующие в белорусском: *комната* – (бел. *пакой*), *пушка* (бел. *гармата*), *ярмарка* (бел. *кірмаш*) и др.; 4) диалектные слова, имеющие ограниченную территорию распространения, а также устаревшие слова, относящиеся к пассивной лексике обоих языков или одного из них при отсутствии в другом: а) названия головных уборов, одежды и ее частей: *магерка* “мужской головной убор”, *андарак* “самотканая юбка”, *кабат* “верхняя часть сарафана”, *жсутан* “мужская верхняя одежда”; *ковнер* “сборка вокруг воротника в мужской рубашке”, *гаплик* “застежка” и др.; б) названия предметов домашнего обихода: *кварта* “кружка”, *фаса* “бочка”, *кановка* “корыто”, *гарнец* “трёхлитровая банка”, *кошуля* “плетёная корзина с двумя ручками”, *кухлик* “глиняный кувшин для топления молока” и др.; в) названия построек и их частей: *камора* “кладовая, амбар”, *пуня* “хлев”, *клуня* “чулан, сарай”, *халуца* “старый неухоженный дом” и др.; г) названия животных, птиц: *бутян* “аист”, *когут* “петух” и др.; д) названия людей по различным признакам: *арест* “нахал”, *рахуба* “неряха, грязнуля”, *шкода* “о балованном, непослушном ребёнке” и др. Слова последней группы проникали в говоры чаще всего устным путём в процессе прямых контактов белорусов и русских с поляками, поэтому относятся преимущественно к бытовой лексике. Приведенные факты позволяют считать польский язык внешним историческим источником формирования лексического фонда говоров МСП.

Таким образом, диалектные материалы СМСІГ содержат важные сведения об исторически обусловленном взаимодействии славянских языков в пограничном этнолингвистическом ареале. Но особая значимость СМСІГ видится в том, что он является хранителем исторической памяти славян, испокон веков проживавших в могилевско-смоленском Поднепровье.